

Э.Б. Кондильяк

**Сочинения в трех томах.
Философское наследие**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Э1

Э1 **Э.Б. Кондильяк**
Сочинения в трех томах. Философское наследие: Том 3 / Э.Б. Кондильяк – М.:
Книга по Требованию, 2018. – 388 с.

ISBN 978-5-458-45608-1

Этьенн Бонно де Кондильяк является автором собрания сочинений в трех томах. Темой книги является философское наследие.

ISBN 978-5-458-45608-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

**ОБ ИСКУССТВЕ
РАССУЖДЕНИЯ**

Я изложил способности души, рассмотрел с Вами в общем виде различные обстоятельства, через которые прошел человек. Вы увидели происхождение правлений, законов, искусств и наук; Вы увидели предрассудки, заблуждения и первые успехи ума; Вы удивлялись то ограниченности, то обширности нашего разума¹. Это, Ваше высочество, должно научить Вас не доверять самому себе. Вы — человек и можете ошибаться, хотя Вы и принц; или, скорее, так как Вы принц, вы должны ошибаться больше, чем кто-либо другой. Лесть, которая осаждает Вас с колыбели и ждет лишь момента, чтобы усилить свою осаду, не заинтересована в том, чтобы открыть Вам глаза. Я отдаю Вам должное: Вы не любите, когда Вам льстят. Я всегда буду это помнить, и помните об этом Вы сами; Вы не раз краснели от похвал, которые Вы считали незаслуженными. Хотите отогнать льстецов? Для этого есть только одно средство: будьте более просвещенным, чем они. Для Вас было бы унижением быть игрушкой в руках каких-то льстецов.

До сих пор я старался делать так, чтобы Вы рассуждали; сейчас речь идет о том, чтобы показать Вам все искусство рассуждения. Давайте же посмотрим, каковы в общем предметы наших знаний и какая степень достоверности доступна нашим знаниям.

История природы
делится на науку
о чувственных истинах
и науку
об абстрактных
истинах

В сущности, есть только одна наука — история природы²; эта наука слишком обширна для нас, и мы можем постигнуть лишь некоторые ее ветви.

Мы либо наблюдаем факты, либо комбинируем абстрактные идеи. Поэтому история природы делится на науку о чувственных истинах, физику, и на науку об абстрактных истинах, метафизику.

Я разделяю историю природы на науку о чувственных истинах и на науку об абстрактных истинах, потому что

принимаю во внимание лишь основные предметы, которыми мы можем заниматься. Каков бы ни был предмет наших исследований, для постижения связей чувственных идей необходимы абстрактные рассуждения; а чувственные идеи необходимы нам, чтобы составлять абстрактные идеи, давать им определение. Таким образом, видно, что уже с момента первого своего разделения обе эти ветви науки входят друг в друга; поэтому они оказывают друг другу помощь, и напрасно философы пытаются поставить между ними барьеры. Для умов ограниченных, как наши, весьма разумно рассматривать каждую из них отдельно; но было бы нелепо заключать, что они должны по своей природе существовать раздельно. Всегда нужно помнить, что есть в сущности только одна наука, и если мы познаем истины, которые кажутся нам оторванными друг от друга, то потому, что мы не знаем связи, которая объединяет их в одно целое.

**Метафизика охватывает
все предметы
нашего познания**

Из всех наук метафизика лучше всего охватывает все предметы нашего познания; она является одновременно наукой о чувственных истинах и наукой об абстрактных истинах. Наукой о чувственных истинах — потому что эта наука о том, что имеется в нас чувственного, как физика есть наука о том, что имеется чувственного вне нас³; наукой об абстрактных истинах — потому что именно она открывает принципы, образующие системы, и дает все методы рассуждения. Сама математика является лишь ее ветвью. Стало быть, она ведает всеми нашими знаниями и ей принадлежит эта прерогатива, ибо если необходимо говорить о науках в соотношении с нашим способом постигать, то именно метафизике, единственной науке, познающей человеческий ум, надлежит руководить нами в изучении всякого знания. Все в некоторых отношениях находится в ее ведении. Метафизика — самая абстрактная наука; она возвышает нас над тем, что мы видим и чувствуем; она возвышает нас до бога и образует науку, которую мы называем *естественной теологией*.

**Две метафизики:
метафизика чувства
и метафизика
размышления**

Когда метафизика имеет своим единственным предметом человеческий ум, можно различить два ее вида: метафизику размышления и метафизику чувства. Первая исследует все наши способности; она усматривает, какова их первооснова и как они формируются, и соответственно пред-

писывает правила для руководства ими; этой метафизикой овладевают лишь благодаря обучению. Вторая чувствует наши способности; она повинуется их действию и следует принципам, которых она не знает; ею обладают, хотя, казалось бы, ее не приобретали, потому что счастливые обстоятельства сделали ее естественной; она — удел настоящих умов; она есть, так сказать, их инстинкт. Следовательно, метафизика размышления — это только теория, развивающая в своем принципе и в его следствиях все, что метафизика чувства осуществляет на деле. Например, метафизика чувства создает языки; метафизика размышления объясняет их систему; первая создает ораторов и поэтов; вторая дает теорию красноречия и поэзии.

Три рода
очевидности

Я различаю три рода очевидности: очевидность факта, очевидность чувства, очевидность разума*.

Мы имеем очевидность факта всякий раз, когда убеждаемся в фактах благодаря нашему собственному наблюдению. Если мы не наблюдали их сами, мы судим о них по свидетельству других, и это свидетельство в большей или меньшей степени заменяет очевидность.

Хотя Вы не были в Риме, Вы не можете сомневаться в существовании этого города; но у Вас могут быть сомнения относительно времени и обстоятельств его основания. Значит, среди фактов, о которых мы судим согласно свидетельству других людей, есть такие, которые выступают как очевидные или в которых мы уверены, как если бы сами их наблюдали; среди них есть и весьма сомнительные факты, тогда предание, которое их сообщает, является более или менее достоверным согласно природе фактов, характеру свидетелей, одинаковости их сообщений и тому, насколько эти сообщения соответствуют обстоятельствам.

Вы способны на ощущения — вот то, в чем вы уверены благодаря очевидности чувства. Но в чем можно убедиться, располагая очевидностью разума? В тождестве. *Два плюс два равно четырем* — истина очевидная в силу очевидности разума, так как это предложение в сущности есть то же самое, что и предложение *два плюс два равно двум плюс два*. Первое и второе предложения отличаются друг от друга только выражением.

Я способен испытывать ощущения; Вы не сомневаетесь в этом, и, однако, у Вас нет в этом отношении ни одной из

* См. «Логика», ч. II, гл. 9.

трех очевидностей. У Вас нет очевидности факта, ибо Вы не можете сами наблюдать мои ощущения. По этой же причине у Вас нет очевидности чувства, так как я один чувствую ощущения, которые я испытываю. Наконец, у Вас нет очевидности разума, потому что предложение «Я имею ощущения» не тождественно ни одному из предложений, какие Вам известны с очевидностью.

Свидетельство других людей восполняет очевидность чувства и очевидность разума, так же как и очевидность факта. Я говорю Вам, что у меня есть ощущения, и Вы в этом не сомневаетесь. Геометры Вам говорят, что сумма углов треугольника равна двум прямым, и Вы также этому верите.

За неимением трех очевидностей и свидетельства других людей, мы судим еще и по аналогии. Вы замечаете, что я имею органы, подобные Вашим, и поступаю как Вы, соответственно действию предметов на мои органы чувств. Из этого Вы заключаете, что если Вы сами имеете ощущения, то я также их имею. Ведь замечать отношения сходства между явлениями, которые наблюдают, и удостоверяться благодаря этому в явлении, которое нельзя наблюдать, — это и есть то, что называется «судить по аналогии».

Вот все средства, которыми мы обладаем для приобретения знаний, так как или мы сами видим факт, или нам его сообщают, или мы удостоверяемся при помощи чувства в том, что происходит в нас, или открываем истину благодаря очевидности разума, или же, наконец, судим об одной вещи по аналогии с другой.

Чтобы объяснить Вам, Ваше высочество, эти различные способы судить и рассуждать, мне будет достаточно дать Вам поупражняться на разных примерах. Я приведу их немало и не буду при этом следовать никакому плану. Неважно, что я напишу для Вас трактат об искусстве рассуждения, важно, чтобы Вы рассуждали. Это искусство станет Вам известно, когда Вы достаточно поупражняетесь.

Однако дать Вам поупражняться на суждениях, которые выносятся согласно свидетельству других людей, будет невозможно. Вы еще недостаточно прочли, чтобы суметь следовать за мной в подобном предприятии; мы сможем заняться этим лишь тогда, когда Вы изучите историю, или по мере того, как Вы будете ее изучать.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГДЕ ТРАКТУЕТСЯ О РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБАХ УБЕЖДАТЬСЯ В ИСТИНЕ

ГЛАВА I

ОБ ОЧЕВИДНОСТИ РАЗУМА

Тождество
есть признак
очевидности разума

Чтобы хорошо рассуждать, необходимо точно знать, что такое очевидность, и уметь узнавать ее по одному признаку, который полностью исключает всякого рода сомнения.

Предложение является очевидным или само по себе, или поскольку оно представляет собой очевидное следствие другого предложения, которое очевидно само по себе⁴.

Предложение очевидно само по себе, когда тот, кто знает значение слов, не может сомневаться в том, что оно утверждает; таково предложение *Целое равно своим частям, вместе взятым*.

Почему же тот, кто в точности знает идеи, которые связывают с различными словами этого предложения, не может сомневаться в его очевидности? Потому что он видит, что оно тождественно, что оно не означает ничего, кроме того, что целое равно самому себе.

Если говорят: *Целое больше, чем одна из его частей*, то это опять-таки тождественное предложение, ибо это значит сказать, что целое больше, чем то, что меньше его.

Следовательно, тождественность есть признак, по которому узнают, что предложение является очевидным само по себе; а тождественность распознается, когда предложение может быть переведено в выражения, сводящиеся к формуле *то же самое есть то же самое* (*le même est le même*).

Стало быть, предложение, очевидное само по себе, — это предложение, тождественность которого усматривается непосредственно в выражающих его словах.

Из двух предложений одно является очевидным следствием другого, когда из сравнения слов видно, что они утверждают одно и то же, т. е. когда они тождественны. Значит, доказательство — это ряд предложений, в которых одни и те же идеи, переходя из одного предложения в другое, различаются лишь тем, что они по-разному вы-

ражены, а очевидность рассуждения состоит исключительно в тождественности.

Пример,
доказывающий это

Предположим, что нужно доказать такое предложение: *Площадь (mesure) всякого треугольника есть произведение его высоты на половину его основания.*

Конечно, в этих выражениях не видно тождества идей. Значит, это предложение не является очевидным само по себе; значит, его нужно доказать, нужно показать, что оно — очевидное следствие очевидного предложения, или что оно тождественно тождественному предложению; нужно показать, что идея, которую я должен составить себе о площади всякого треугольника, — это та же самая идея, которую я должен иметь о произведении высоты всякого треугольника на половину его основания.

Для этого есть только одно средство, а именно сначала точно объяснить идею, которую я связываю со словами «измерить площадь», а затем сравнить эту идею с той идеей, которую я имею о произведении высоты треугольника на половину основания.

Но измерить площадь — это то же самое, что последовательно наложить на все ее части другую площадь определенной величины, например квадратный фут. Здесь тождественность заметна уже при одном взгляде на слова. Значит, это предложение относится к числу тех, которые нет нужды доказывать.

Но я не мог бы непосредственно приложить к треугольной поверхности определенное число квадратных поверхностей одинаковой величины, и здесь-то доказательство становится необходимым, т. е. мне нужно путем ряда тождественных предложений прийти к открытию тождественности предложения *Площадь всякого треугольника есть произведение его высоты на половину его основания.* Может быть, сначала это покажется Вам очень трудным, однако нет ничего проще этого.

Сначала я хочу обратить Ваше внимание на то, что знать измерение какой-нибудь величины и знать ее отношение к величине, размер которой известен, — одно и то же; например, нет разницы между знанием того, что величина данной площади — один квадратный фут, и знанием того, что она есть половина площади, о которой известно, что ее величина — два квадратных фута.

После этого Вы легко поймете, что если мы находим площадь, на которую мы могли бы наложить последова-

тельно определенное число квадратных площадей одинаковой величины, то тотчас же, как мы откроем отношение величины площади треугольника к величине площади, которую мы измерили, мы узнаем размер площади треугольника.

Возьмем для этого прямоугольник (рис. 1), т. е. поверхность, ограниченную четырьмя перпендикулярными линиями. Вы видите, что можете рассматривать его как составленный из нескольких маленьких площадей одной и

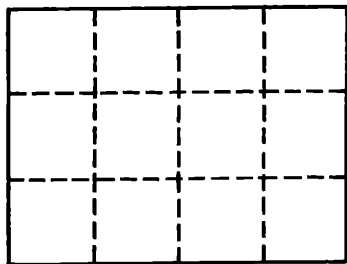

Рис. 1

той же величины; все они одинаково ограничены перпендикулярными прямыми. Вы видите также, что все эти маленькие площади, взятые вместе, — это то же самое, что и целая поверхность всего прямоугольника.

Ведь нет разницы между тем, чтобы разделить прямоугольник на одинаковые квадратные площади или наложить последовательно на все его части площадь определенной величины.

Итак, я рассматриваю разделенный таким образом прямоугольник и вижу, что число квадратных футов, которое он имеет в высоту, повторяется столько раз, сколько футов содержит его основание. Если на первом футе своего основания он имеет в точности три квадратных фута высоты, то он имеет также в точности три квадратных фута на втором, на третьем и на всех других. Эта истина заметна на глаз, но ее легко проверить при помощи тождественных предложений.

В самом деле, прямоугольник представляет собой площадь, четыре стороны которой перпендикулярны друг другу.

У площади, стороны которой перпендикулярны, противоположные стороны параллельны, т. е. одинаково удалены друг от друга во всех противоположных точках своей длины.

Площадь, противоположные стороны которой одинаково удалены во всех точках, противоположных ее длине, имеет одинаковую высоту по всей длине своего основания.

Площадь, имеющая одинаковую высоту по всей длине своего основания, имеет столько же футов в высоту, сколько ее основание имеет футов в длину.

Все эти предложения тождественны. Они суть лишь различными способами выраженное предложение *Прямоугольник есть прямоугольник*.

Следовательно, измерить прямоугольник, наложить последовательно на все части его поверхности площадь определенной величины, разделить его площадь на равные квадраты, взять число футов, которое он имеет в высоту, столько раз, сколько футов имеет в длину его основание, — это значит сделать одно и то же несколькими различными способами.

Если это так, то больше нет необходимости ни в том, чтобы делить площадь на маленькие квадраты, ни в том, чтобы последовательно накладывать на различные части площадь определенной величины; взяв число футов в высоту столько раз, сколько имеется футов в основании, мы получим точные размеры данной площади.

Таким образом, можно заменить предложение *Измерить прямоугольник* — значит *взять число футов, которое он имеет в высоту, столько раз, сколько он имеет футов в основании* предложением, с которого мы начали: *Измерить прямоугольник* — значит *последовательно наложить на его различные части площадь определенной величины*.

В самом деле, взглянув на эти выражения, мы не узнали, что эти два предложения являются по существу одним предложением, но тождество не могло от нас ускользнуть, когда мы стали его разыскивать в ряде промежуточных предложений. Мы видели, что одна и та же идея переходит из одних предложений в другие, а изменяется лишь способ, которым она выражается.

Доказать — значит осуществить перевод очевидного предложения, придавая ему различные формы до тех пор, пока оно не станет предложением, которое требуется доказать. Это значит изменять слова, которыми выражено предложение, и прийти через посредство ряда тождественных предложений к заключению, тождественному тому предложению, из которого оно непосредственно выводится. Нужно, чтобы тождественность, незаметная, когда проходят через промежуточные предложения, была бы явной при одном только взгляде на выражения, когда непосредственно переходят от одного предложения к другому.

Предложение, которое мы только что доказали: *Измерить прямоугольник* — значит *взять число футов, которое он имеет в высоту, столько раз, сколько футов содержится в его основании* — это то же самое, что умножить его высо-

ту на основание, а это опять-таки то же самое, что взять произведение его высоты на его основание.

Предложение же *Площадь прямоугольника есть произведение его высоты на его основание* есть правило, от которого следует идти путем ряда предложений, всегда тождественных друг другу, вплоть до самого вывода: *Площадь всякого треугольника есть произведение его высоты на половину основания.*

Но я уже отметил, что если нам известна площадь прямоугольника, то мы найдем площадь треугольника, когда узнаем отношение одной из этих фигур к другой, ибо нет разницы между знанием площади фигуры и знанием того, как относится площадь данной фигуры к уже известной площади какой-либо фигуры.

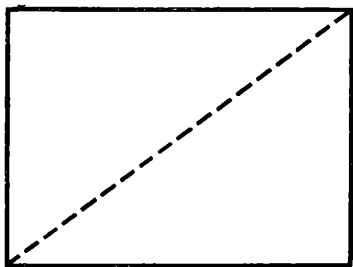

Рис. 2

Прямоугольник (рис. 2), разделенный по диагонали, дает два треугольника, площади которых, взятые вместе, равны его площади. Ведь сказать, что эти две площади равны площади прямоугольника, — то же самое, что сказать, что два треугольника были образованы из прямоугольника при помощи диагонали, которая делит его пополам. Кроме того, Вы заметите, что поверхности этих двух треугольников равны; Вы даже на глаз видите истинность этого предложения; но нужно доказать Вам их тождественность.

Площадь [фигуры] определяется величиной прямых, которые ее ограничивают, и величиной углов, образуемых этими прямыми. Следовательно, в двух выражениях: *две площади равны* и *две площади ограничены равными прямыми, образующими одинаковые углы* — содержится только одно предложение, выраженное двумя способами.

Следовательно, предложения *Площади двух треугольников равны* и *Стороны этих треугольников равны* опять-таки суть два тождественных предложения. Два треугольника, которые содержат в себе прямоугольник, разделенный по диагонали, имеют, стало быть, равные площади, если их стороны равны и если они образуют одинаковые углы.

Ведь сказать, что два треугольника заключены таким образом в прямоугольнике, — это то же самое, как если бы